

Ю.А. Сорокин

Институт языкознания Российской Академии Наук, г. Москва

Yu.A. Sorokin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

ЕВРАЗИЙСТВО И ЕГО ПОСТУЛАТЫ: ВОЗМОЖНЫЕ КОРРЕКТИВЫ EURASIANISM AND ITS TENETS: POSSIBLE ADJUSTMENTS

Ключевые слова: евразийство, этнография, рефлексивное отношение, этнос

Keywords: eurasianism, anthropology, reflexive relation, ethnos

В статье рассматривается феномен евразийства, который автор связывает с поиском точки отсчета в ментально и предметно изменяющемся мире.

This article focuses on the phenomenon of eurasianism, which author associates with the search for a point of reference in mentally and substantively changing world.

1. Вне всякого сомнения, феномен евразийства следует связывать с поиском точки отсчета в ментально и предметно изменяющемся мире, почти исчерпавшем запас своего осевого времени. Его качественные характеристики, его духовно-интеллектуальные репрезентаторы (о них, но в ином ключе см.: Лысенко, 1994) превосходно, на мой взгляд, охарактеризованы В.С. Варшавским в его «Незамеченном поколении» (Варшавский, 1956; см. также: Половинкин, 1995), пытавшемся ответить на вопросы: «Кто мы? Откуда мы? И куда идем? В каком мире живем и будем жить? И что это за страна – Россия?» Существуют и индивидуальные прогнозы. Такова книга А. Тоффлера «Футурошок» (Тоффлер, 1997), строящего свою визионерологию, исходя из симптоматичных инновационных предпосылок (новые кочевники, модульный человек, спецнократия, ломающаяся семья, избыток субкультур), характерных для конца осевого времени. Но если А. Тоффлера мало заботит ответ на последний вопрос («Что это за страна - Россия?»), то, например, для А.С. Панарина (Панарин, 1994) весьма важна «наша цивилизационная специфика» (Панарин, 1994: 31) или, иначе говоря, актуализация «... в нашем сознании реальной геополитической дифференциации мира, с которой мы так сжились, что не замечаем ее, как не замечаем нашего тела, пока оно в здоровом состоянии. Главная дихотомия ... носит достаточно традиционный характер. Она связана с различием между морскими и континентальными державами. На глобальном уровне это означает деление мира на две полусферы: сухопутную (континентальную) и морскую. В контексте этого деления один регион

выступает как имеющий ключевое значение – Евразия. Согласно геополитической теории, это центральное пространство мира – хартленд, противопоставленный океаническому римленду» (Панарин, 1994: 24).

(Примечание: Отождествление цивилизационной специфики с геополитической дифференциацией мира весьма показательно: если «цивилизация – это самодвижущаяся, целостная система, охватывающая одну или несколько социополитических общностей либо все человечество в целом» (Черняк, 1996: 71), то и в ней должны присутствовать репрезентаторы, свидетельствующие об этой целостности, а, точнее говоря, о специфической сверхцелостности/составной целостности, ибо «характерные особенности локальной и мировой цивилизации» (Черняк, 1996: 184) оказываются в ряде случаев несовместимыми: «... количественное различие некоторых из этих особенностей настолько велико, что они становятся прямой противоположностью друг друга» (Черняк, 1996: 184).

Иными словами, хартленд и римленд как социополитические регионы являются такими локусами, для которых характерна своя комбинаторика особенностей и, тем самым, своя логика их существования.

На мой взгляд, и хартленд, и римленд – это культурально-семиотические сообщества с им одним присущим ритмом развития (см. по этому поводу: Гумилев, 1979) наряду с уникальными поведенческими – вербальными и невербальными – установками (уникальной архитектурой поведения). Именно они позволяют судить о реальности разбиения мира на те или иные этно-культуральные конгломераты, чьи ориентации, несомненно, являются прожективно-телеологическими. Неслучайно А.С.Панарин задает вопросы относительно того «... уцелели ли у нас, в частности, к востоку от Урала, духовные основы здорового предприимчивого консерватизма? Можно ли утверждать, например, что сибирское и дальневосточное население России еще сохранило признаки немотствующего народа, связанные, в частности, с наследием старообрядчества: традиционное трудолюбие, аскезу и мораль, патриархальные предпосылки дисциплины и законопослушания, жажду духовной веры? Именно этими признаками современная тихоокеанская цивилизация отличается от атлантической, в значительной мере уже промотавшей свое протестантское наследие. Если эти признаки у нашего сибирского населения еще сохранились, если «сибирский миф» еще жив в нашей культуре ..., то цивилизационный маневр, связанный с некоторым переносом центра тяжести с Запада на Восток нашей страны, сегодня возможен. А тем самым возможно и творческое перерешение узловых проблем нашей реформы в духе сближения с тихоокеанской цивилизацией и ее моделью модернизации» (Панарин, 1994: 30).

Симптоматично и сомнение А.С. Панарина в том, что «... этнография разъединяет, а большая письменная традиция (ныне – информационная сеть) объединяет, открывая те универсалии мировой цивилизации, к которым

тяготееет современная, постмодернистская личность, а значит – наиболее просвещенные и мобильные элементы евразийского социума» (Панарин, 1994: 28). Если учитывать, что постмодернистская (модульная, по мнению А. Тоффлера) личность ориентируется на краткосрочность межличностных связей и на их утилитарность, на карьеру, профитные социальные роли и «замещающих людей», характеризуется когнитивно-когнитивной неустойчивостью и вынуждена жить в мире вторичных/ангажированных образов (см.: Тоффлер, 1997: 73 - 140), то ее вряд ли можно совместить с той русской базовой личностью, о которой пишет, например, З.В. Сикевич*: «Сильнее всего сближает (примерно каждого третьего): государство, в котором живем – 33,7%, язык – 33,0%, образ жизни – 31,1%. <...> Сближают в определенной мере примерно каждого пятого: общее историческое прошлое – 21,9%, народные традиции и обычаи – 20,6%. <...> ... петербуржцы склонны признать, что русских отличает беспечность в сочетании с недалёковидностью ... и решительность. <...> Значительно меньшее неприятие вызывает констатация явных недостатков русского человека: воинственного удализма ..., пьянства ..., лени ... <...> Русские женщины в большей мере склонны к традиционному смирению, чем мужчины ... <...> Женщины относительно терпимее мужчин по предпочтению как «доброго слова» ..., так и «худого мира» ... В русском сознании независимо от половой принадлежности, возраста и уровня образования продолжает преобладать установка на стратегию «малых дел» ..., в то время как на удачу надеется лишь каждый 4-й – 5-й россиянин из числа опрошенных ... <...> Самым «главным качеством» русского человека, по мнению петербуржцев, являются доброта (27,6%) и ее проявление в отношении к людям (доброжелательность, радушие, душевность, отзывчивость, сердечность, милосердие, великодушие, сострадание и сопереживание) ... <...> По мнению участников опроса, русский – трудолюбив, работоспособен и вынослив, но значительно чаще ленив, халатен, безалаберен и безответственен, его трудовую деятельность отличают «наплевательство» и «разгильдяйство» ... Если попытаться представить «образ» типичного русского, составленный коллективными усилиями участников опроса ..., то мы получим следующий портрет ... 1) доброта, 2) терпение, 3) гостеприимство, 4) трудолюбие, 5) лень, 6) дружелюбие, 7) широта души, 8) патриотизм, 9) доверчивость, 10) открытость, 11) пьянство, 12) отзывчивость, 13) простота, 14) щедрость, 15) честность, 16) терпимость, 17) сострадание, 18) безалаберность» (Сикевич, 1996: 89, 99, 100, 102, 103-104, 107, 111-112).

Хотя вышеприведенные данные и носят пилотажный характер, вывод напрашивается сам собой: о цивилизационном маневре и смещении центра тяжести с Запада на Восток говорить еще преждевременно. Возможность творческого перерешения узловых проблем также сомнительна: узловые проблемы евразийства лишь репродуцируются и переобсуждаются, существуют

как неревизируемое наследие, в границах которого, по-видимому, невозможны и недопустимы конструктивно-эвристические поиски.

2. Прежде, чем рассматривать некоторые оставляющие «суммы евразийской технологии» мне хотелось бы еще раз указать на следующее: если евразийство – это следствие конца осевого времени, то вполне правомерной оказывается оценка этого времени как параноидального (параноического) и осознаваемого в качестве «вместилища» эгоцентрической и магической мифологием и мифологемы сверхбытия, а также их «продуктов» – птоlemeизма, гипердетерминизма, манихеизма, гиперволютаризма и нарциссизма (см. по этому поводу: Добрович, 1992).

В то же время евразийство – это попытка рефлексивного отношения к этим мифологемам, попытка осознания их сути и возможности деконструкции, как сказал бы Ж. Деррида.

(Примечание: В связи с этим представляется целесообразным существование такой субдисциплины, как этно-культуральная нозология (ср. с экоантропологией и биокаузологией, задачи которых обсуждает Е.Б. Черняк (Черняк, 1996: 214-226)).

Не менее важно и существование концептуальной этнокультурологии и методологической этнокультурологии (ср.: концептуальная цивилиография и методическая цивилиография – Черняк, 1996: 54-67), а в рамках последней – рассмотрение массовидных и исключительных (см. по этому поводу: Черняк, 1996: 234-245) этнокультуральных атрибутов)).

3. На мой взгляд, наиболее чутким/сенсильным к сдвигам в интеллектуально-духовном климате осевого времени оказался Константин Николаевич Леонтьев. Он писал, что «... относительно будущего России весь вопрос сводится к тому, чем она может быть при устарении Европы: государством ли без особой, без поражающей ум государственной системы ... или одноосновным культурным миром, какими были Рим языческий и христианская Византия; или трехосновным столько содержательным типом, как романо-германский мир. Или, наконец, превзойти и этот последний как богатством своим, дать вселенной впервые пример типа четырехосновного: то есть решить лучше (*не окончательно* – это невозможно – а только лучше), чем смог в свое время решить мир романо-германский, все четыре главных, основных вопроса исторической жизни: религиозный вопрос, государственный, экономический и художественно-философский» (Леонтьев, 1993: 222). И еще две цитаты: 1) «Сюда еще относится его (Данилевского – Ю.С.) доверчивое славянолюбие в тесном смысле, его вера в само племя славянское; тогда как нужна вера не в само это отрицательное племя, а в счастливое сочетание с ним всего того получужого, преимущественно восточного (а кой в чем и западного), которое заметнее в России, чем у других славян. Нужна вера в дальнейшее и новое развитие Византийского (Восточного) христианства (православия), в плодотворность туранской примеси в нашу русскую кровь; отчасти и в

православное *intus-susceptio* властной и твердой немецкой крови и т.д.» (Леонтьев, 1996: 224); 2) «Припомним: все влияния Запада на Восток были эфемерны и поверхностны; все же воздействия Востока на Запад были прочны и хотя тоже не вечны, не оставили глубокого следа» (Леонтьев, 1993: 231).

По мнению Петра Николаевича Савицкого, «... Восточно-Европейская, «Беломорско-Кавказская» ... равнина по географической природе гораздо ближе к равнинам Западно-Сибирской и Туркестанской, лежащим к востоку от нее, нежели к Западной Европе. Названные три равнины вместе с возвышенностями, отделяющими их друг от друга (Уральские горы и так называемый «Арало-Иртышский» водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказа, Малой Азии), представляют собой особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и югу от него. И если к первым приурочите имя «Европы», а ко вторым – имя «Азия», то названному только что миру, как срединному, так и посредствующему, будет приличествовать имя «Евразия» ... <...> Россия занимает основное пространство земель «Евразии». <...> Обозначение это указывает, что в культурное бытие России, в соизмеримых между собой долях, вошли элементы различнейших культур. <...> Юг в этих процессах явлен по преимуществу в образе византийской культуры; ее влияние на Россию было длительным и основоположным. <...> Восток в данном случае выступает, главным образом, в образе «степной» цивилизации, обычно рассматриваемой в качестве одной их характерно «азиатских» ... С конца этого последнего столетия пошло на убыль влияние европейской культуры и достигло максимума начиная с XVIII века ... В категориях не всегда достаточно тонкого, однако же, указывающего на реальную сущность подразделения культур Старого Света на «европейские» и «азиатско-азиатские» – культура русская не принадлежит к числу ни одних, ни других. Она есть культура, сочетающая элементы одних и других, сводящая их к некоторому единству. И потому ... квалификация русской культуры как «евразийской» более выражает сущность явления, чем какая-либо иная ...» (Савицкий, 1997: 81-83).

И еще три цитаты: 1) «... как срединный географический мир Евразия отличен от географического мира Европы, так отличен он и от мира Азии ...» (Савицкий, 1993: 280), 2) «Россия – Евразия есть обособленное и целостное «месторазвитие». <...> Россия – Евразия есть «месторазвитие», «единое целое», «географический индивидуум» – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д. и т.п. «ландшафт» ...» (Савицкий, 1993: 282, 283), 3) «евразийцы – православные люди» (Савицкий, 1993: 92). (Аналогичные мысли можно найти и у Ивана Александровича Ильина, см., в частности, Ильин, 1992: 232-238, а также: Самарин, 1996: 541-549).

Очень четкое истолкование понятия хартленда было предложено и Николаем Сергеевичем Трубецким: «... чтобы отдельные части бывшей

Российской Империи продолжали существовать как части единого государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым. <...> ... национальным субстратом ... может быть только вся совокупность народов ..., рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством. Всякий национализм исходит из интенсивного ощущения личностной природы данной этнической единицы и потому прежде всего утверждает органическое единство и своеобразие этой этнической единицы ... <...> Можно сказать, что единство этнической единицы обратно пропорционально, а своеобразие этнической единицы прямо пропорционально величине этой единицы ...» (Трубецкой, 1993: 423).

И еще две цитаты: 1) «Много говорили о том, что историческая миссия России состоит в объединении наших «братьев» славян. При этом обычно забывали, что нашими «братьями» (если не по языку и по вере, то по крови, характеру и культуре) являются не только славяне, но и туранцы ...» (Трубецкой, 1995: 140), 2) «... не менее близкое взаимное сходство всех туранских языков и психологических обликов всех туранских народов совершенно не подлежит сомнению, и мы имеем право говорить о едином туранском психологическом типе, совершенно отвлекаясь от вопроса о том, обусловлена ли эта общность психологического типа кровным родством или какими-нибудь другими историческими причинами» (Трубецкой, 1995: 143).

4. Таким образом, позволительны, по-видимому, следующие выводы: Евразия – это многосоставная целостность/единичность, метисированное культурально-семиотическое и психотипическое (точнее – психобиотипическое) образование, совокупность биоценозических и хомоценозических сообществ, словом, это органическое и надорганическое единство, суперэтнос.

(Примечание: Так как этнос в принципе пассионарен, то заманчиво было бы предположить, что «взаимное сходство всех туранских языков и психологических обликов всех туранских народов» является следствием пассионарности, позволяющей языкам «узнавать» друг друга, а их носителям идентифицировать себя как своих).

5. Книгу Н.С.Трубецкого «История. Культура. Язык» (Трубецкой, 1995) предваряют две статьи: Н.И. Толстого (Толстой, 1995) и Л.Н. Гумилева (Гумилев, 1995), впервые напечатанная в «Нашем наследии» (Гумилев, 1991).

В «Заметках последнего евразийца» Л.Н. Гумилев (Гумилев, 1991) попытался – полемически-конструктивно, чем его статья и интересна – оспорить/уточнить некоторые положения, принадлежащие Н.С.Трубецкому.

В свою очередь, я попытаюсь сделать то же самое, но в отношении доводов – конечно, не всех, – выдвинутых Л.Н.Гумилевым.

По его мнению, 1) «... этнос – это процесс адаптации к определенному ландшафту, и навыки чуждого этноса, называемые цивилизацией, отнимают у аборигенов силы, необходимые для собственного хозяйства ...» и 2) этнос – это «... личность на популяционном уровне, выраженная как самобытная культура» (Гумилев, 1991: 21).

На мой взгляд, «популяционное» и «культуральное» вряд ли целесообразно совмещать: это два разных концепта. И соотносятся они друг с другом весьма опосредованно. Если этнос в принципе есть И-мерная культуральная личность, то «навыки чужого» этноса, или, иначе говоря, навыки культуральной личности нелогично причислять к цивилизационным навыкам. По-видимому, это противоречие объясняется незамечаемым Л.Н. Гумилевым совмещением понятий цивилизация и культура. Его можно снять, если рассматривать цивилизацию в качестве процесса конвееризации тождества духовных и материальных продуктов, а культуру – в качестве процесса канонизации их сходств/подобий (см. в связи с этим: Сорокин, 1985, 1994).

(Примечание: Рассматривая этнос как синтетическую (многомерную) личность или, если угодно, как совокупную (вечевую) популяционно-культуральную личность, можно полагать оправданным существование и диахронической совокупной субличности (субстратной совокупной субличности), и синхронической совокупной субличности (суперстратной совокупной субличности)).

Л.Н. Гумилев считал, что «идеократия, то есть власть идей, – одна из «основ евразийства». <...> Характерной чертой евразийства вообще и теории идеократического государства в особенности является взаимосвязанность и взаимозависимость всех теоретических элементов. Совокупность народов, живо ощущающих «общность культурных и исторических традиций», ведет автаркическое хозяйство на определенном «месторазвитии»*. Тем самым сохраняется преимущество взаимодействия этноса и кормящего ландшафта. Сохраняется национальный характер культуры как в «целом», так и в «индивидуациях», составляющих «целое». Важно добавить, что необходимым условием осуществления идеократии является сдвиг в самосознании людей и народа в сторону понимания ими своей исторически определенной функции в жизни «органического целого». Однако само существование идеократического государства оправдано и необходимо лишь тогда, когда осуществляется идея «блага народов» конкретно автаркического мира» (Гумилев, 1991: 26).

Принимая эти положения в целом, я все же хочу сделать такую поправку: идеократия и автаркия суть формы существования этносизма, а не национализма, как, очевидно, полагали и Н.С. Трубецкой, и Л.Н. Гумилев. Или, говоря иначе, этносизм – это формы опредмечивания/формы аранжировки пассионарной энергии, существующей для нас и в виде культурально-семиотического (ментального) инструментария (идеократического фонда), и в

виде «правил» взаимодействия с окружающей средой (автаркем предметного и непредметного характера).

(ПРИМЕЧАНИЕ: Доводы, например М.О. Мнацакяна (Мнацакян, 1998: 41-47), отрицающего гумилевское понимание этноса как специфической культурально-генетической единичности, существующей благодаря своей пассионарной энергии, вряд ли можно признать убедительными. Несправедлив и упрек относительно того, что Л.Н. Гумилев «... постоянно подменяет понятие этноса понятием государства или даже империи» (Мнацакян, 1998: 46). Л.Н. Гумилев неоднократно указывал на несводимость формационных и суперформационных (химерических) образований к этническим образованиям. Развести химерические и этнические образования – сложно, ибо признаки этих образований диффузионны. Л.Н. Гумилев мог смешивать/не различать признаки, но его нельзя упрекнуть, что он подменяет одни признаки другими.

И в связи с этим три цитаты из Б. Кроче, указывающие на невнимание не только М.О. Мнацакяна, но и других исследователей к сути обсуждаемых – эксплицитно или имплицитно – проблем: 1) «В так называемой «человеческой истории» тоже есть «история естественная», а так называемая «естественная история» тоже была когда-то «человеческой», то есть историей духа, хотя теперь, отодвинувшись от нас на такое расстояние, она предстает перед нашим не способным проникнуть внутрь ее взором как мумия, как механизм», 2) «... мы отвергли идею всеобщей истории (во времени и пространстве), равно как и идею общей истории (духа в его неограниченной обобщенности и единстве), и взамен выдвинули противоположный двойной тезис: история всегда является частной и всегда специальной, и как раз эти два определения представляют собой подлинную и конкретную всеобщность, подлинное и конкретное единство», 3) «... аналогию специальных историй можно назвать абсолютной, и всякая аномалия одной по отношению к другой исключается: их основной принцип (что бы против этого ни возражали) – принцип частности (общности – частности). Но если как истории они подчиняются общему принципу историографии, то как истории специальные выражают принцип своей специальности; в этом и только в этом смысле каждая по отношению к другим аномальна, то есть сохраняет свой неповторимый характер» (Кроче, 1998: 80, 84-85, 87)).

6. На мой взгляд, ограничиваться лишь сопоставлением точек зрения и микродискуссиями и неразумно, и неэффективно. Поэтому попробуем рассмотреть некоторые понятия-концепты, позволяющие – смею надеяться – конкретизировать суть задач, стоящих перед исследователями евразийства, тем более, что его культуральные/лингвокультуральные составляющие обсуждались в меньшей степени, чем остальные (за исключением Н.С. Трубецкого, но не Л.Н. Гумилева).

Полезно, по-видимому, считать, что не только возможна, но и необходима евразийская лингвокультурософия – как диахроническая, так и синхроническая.

(ПРИМЕЧАНИЕ: Возможное конкурирующее понятие евразийской лингвокультурологии представляется менее удачным, ибо оно ориентировано антропоцентрически, в то время как первое понятие ориентировано антропофилически (см. в связи с этим: Сорокин, 1998)).

В свою очередь, в рамках евразийской лингвокультурософии следует выделить синхроническую и диахроническую доксологию (синдоксологию и диадоксологию), а внутри ее считать необходимым существование имидживики, айсивики, фактуальной и ментальной/витальной визажистики.

Сопоставление имидживистических, айсивистических и визажистических сюжетов (поведенческих событий) является целью лакунографии/лакунологии (как части доксографии).

Помимо выявления и сопоставления синдоксологических лакун (о них см.: Сорокин, 1985) всех трех типов (имидживистических, айсивистических и визажистических), в сфере ее внимания находится соматология/соматистика, ориентированная на реконструкцию телесных (соматологических / соматических) портретов носителей тех или иных языков/культур.

Для фиксации различия и совпадений между этими портретами полезно, по-видимому, использовать два понятия: соматологической/соматистической коллокации (сомаколлокации), понимая ее как частоту встречаемости/соположенности тех или иных соматологических / соматистических единиц, и соматологической/соматистической коллигации (сомаколлигации), понимая ее как пучок отношений между классами (категориями) референтов (денотатов).

Если исходить из того, что фиксация различий между портретами – это и фиксация лакун, то оказывается необходимым и существование лакунарной сомаколлокации и лакунарной сомаколлигации.

Отсюда возможен шаг к составлению лакунографических словарей, которые могут выглядеть как синтагматические цепочки (амплификаторы), сводимые к их доксографическим прототипам (собственно, это и доксографические словари), и к тезаурусированным грамматикам, состоящим из двух частей – экзореференциальной, чьими базовыми единицами являются вербальные образы (и тела знаков), или перцептивы – и эндореференциальной, чьими базовыми единицами являются образы ситуаций (поступков и событий), или менталитивы.

Эти интранаучные (собственно, этнопсихолингвистические) соображения могут оказаться перспективными лишь на фоне других – более общих – исследовательских перспектив. Можно предположить, что в их число входят следующие: истолкование культуры как нелинейной неравновесной системы и создание культуральной диссипациологии, а в ее рамках изучение семиотико-культуральных осцилляторов и аттракторов (об использовании этих понятий для исследования динамики политического сознания см.: Петренко, 1997: 125-137). В связи с этим особенно важным оказывается вопрос об устойчивых и

неустойчивых культуральных состояниях, а также о характере культурального пространства: является ли оно фазовым или псевдофазовым? И в каких его частях? Можно ли и как связать то или иное его понимание с пассионарностью и характером этноцизма?

Не менее интересно и другое: если восприятие и сознание нелинейны и являются, тем самым, культуральными осцилляторами, то насколько они облигаторны? Если они самопроизвольны (продукт бифуркаций), то можно ли считать, что «сознание – не только неопределимая, но и свободная система» (Зинченко, 1991: 30)?

И, наконец, последнее: насколько обоснованно и перспективно полагать, что культура есть совокупность ментальных аттракторов, изначально формирующих нашу «картину мира» и запрещающих выход в другие возможные миры?

Литература

1. Варшавский В.С. Потерянное поколение. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. – 388 с.
2. Гумилев Л.Н. Заметки последнего евразийца // Наше наследие, 1991, №3. – С. 13 -14.
3. Гумилев Л.Н. Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 29.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: ВИНТИ, 1979, вып. 1-3.
5. Добрович А. Паранойя как среда обитания // Искусство кино, 1992, №8. – С. 15 – 26.
6. Ильин И.А. Наши задачи. – М.: МП «Парог», 1992. – 324 с.
7. Кроче Б. Теория и история историографии. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 192 с.
8. Леонтьев К. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1993. – 367 с.
9. Лысенко В.Г. Опыт введения в буддизм: ранняя буддийская философия. – М.: Наука, 1994. – 159 с.
10. Мнацакян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты. – М.: НИИ культуры и культурного наследия, 1998. – 78 с.
11. Панарин А.С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы//ВФ, 1994, №12. – С. 19 – 31.
12. Петренко В.П., Митина О.В. Анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). – Смоленск: СГУ, 1997. – 225 с.
13. Половинкин С.М. Евразийство и русская эмиграция // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 731 – 762 с.
14. Савицкий П. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 138 с.

15. Самарин Ю.Ф. Избранные произведения. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1996.
16. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). – М., 1996, т. 1-2.
17. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
18. Сорокин Ю.А. Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1998, вып. 4. – С. 270 – 277.
19. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. – Самара: СГУ, 1994. – 94 с.
20. Толстой Н.И. Н.С. Трубецкой и Евразия // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М., 1995. – С. 5 -28.
21. Тоффлер А. Футурошок. – СПб.: Лань, 1997. – 464 с.
22. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – 109 с.
23. Черняк Е.Б. Цивилизациография. Наука о цивилизации. – М.: Прогресс, 1996. – 324 с.

References

1. Warsawski V.S. Lost Generation. – New York: Publisher named after Chekhov, 1956. – 388 p.
2. Gumilev L.N. Remarks of the last Eurasian // Our Heritage, 1991, № 3. – p. 13-14.
3. Gumilev L.N. Historical and philosophical writings of Prince N.S. Trubeckoy // Troubetzkoy N.S. History. Culture. Language. – М., 1995. – p. 29.
4. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the Biosphere. – Moscow: VINITI, 1979, vol. 1-3.
5. Dobrovich A. Paranoia as a habitat // Cinema Art, 1992, № 8. – p. 15-26.
6. Ilyin I.A. Our tasks. – М.: МР "Porog" 1992. – 324 p.
7. B. Croce, Theory and history of historiography. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. – 192 p.
8. Leontiev K. Selected Works. – Moscow: Moscow Worker, 1993. – 367 p.
9. Lysenko V.G. Experience of introduction to Buddhism: early Buddhist philosophy. – Moscow: Nauka, 1994. – 159 p.
10. Mnatsakyan M.O. Ethnosociology: nation, national psychology and ethnic conflicts. – М.: Research Institute for Cultural Heritage, 1998. – 78 p.
11. Panarin A.S. Russia in Eurasia: geopolitical challenges and civilizational answers // WF, 1994, № 12. – p. 19-31.
12. Petrenko V.P., Mitin O.V. Analysis of the dynamics of social consciousness (on the basis of political mentality). – Smolensk: SSU, 1997. – 225 p.
13. Polovinkin S.M. Eurasianism and Russian emigration // Troubetzkoy N.S. History. Culture. Language. – М., 1995. – p. 731-762.

14. Sawicki P. Eurasia Continent. – M.: Agraf, 1997. – 138 p.

(0.6 п.л.)